

И.Л. Бузук, А.А. Кретов

*Приднестровский государственный университет имени Т.Г. Шевченко,
г. Тирасполь*

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

**ОСВОЕНИЕ МАЛАГАСИЙСКИХ РЕАЛИЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЕЙ**

(на русском фоне)

**THE MASTERING OF MALAGASY REALIAS
IN FRENCH LEXICOGRAPHY**

(on the background of Russian practice)

Ключевые слова: реалия, реноминация, освоение, лингвокультура, R-реалии, C-реалии, L-реалии

Keywords: realia, renomination, mastering, linguoculture, R-realias, C-realias, L-realias

Язык выступает важнейшим каналом взаимодействия человека с внешним миром. Он является средством «членения мира» и организации его восприятия человеком, выполняет функцию своеобразного «проводника» безграничного опыта нации, ее культуры последующим поколениям. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров по этому поводу пишут следующее: «Роль языка, если рассматривать его в единстве живого созерцания и абстрактного мышления на базе практики, состоит в том, что при его посредстве возникают и фиксируются наши мысли, результаты мыслительной деятельности становятся духовным достоянием как членов данного поколения, так и будущих поколений» (Верещагин, Костомаров, 1980: 283).

В свою очередь, процесс восприятия и понимания мира человеком базируется на одной из древнейших и важнейших операций деления универсума на «Свое» и «Чужое», поскольку «в основе всякого сравнения и сопоставления лежат механизмы тождества и различения своего и чужого» (Лаптева, 2016: 6).

В границах определенной этнокультурной и национально-языковой общности складываются, формируются лексические единицы, которые объективируют особенности территории распространения общности людей, специфику ее экономической и политической жизни, самобытность национальной психологии и своеобразие национальной культуры.

Поскольку каждая культура живет не обособленной жизнью, а контактирует с другими культурами, это находит отражение в языке. При этом, как отмечает М.М. Бахтин, «чужая» культура «только в глазах другой культуры раскрывает себя полней и глубже <...>. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» (Бахтин, 1979: 333).

Сформировавшись в определенной исторической общности людей, национально-культурная лексика одного языка вследствие языковых и культурных контактов осваивается языковыми средствами другого контактирующего с ним языка. Как отмечает Н.А. Фененко, особую значимость при этом приобретают вопросы, касающиеся механизма отражения в языке национальных культурных концептов и их вербализации с помощью культурно-маркированных языковых единиц, к которым и относятся реалии, отражающие специфические фрагменты той или иной национально-языковой картины мира (Фененко, 2013: 4).

В фокусе нашего внимания находится взаимодействие двух неродственных языков, двух непохожих культур – малагасийской и французской, где в результате контактирования возможно появление непонимания, обусловленного различием в мировоззрении и социокультурном опыте языковых коллективов.

Колонизация Мадагаскара в полном значении этого слова началась после создания в 1664 г. Ост-Индской торговой компании. Компании не удалось учредить колонию на Мадагаскаре, но были захвачены близлежащие острова (ныне Маврикий и Реюньон). Это стало одним из этапов, открывшим дорогу французскому утверждению на богатейшем острове Мадагаскар (Керов, 1990). Закон от 6 августа 1898 г. объявил Мадагаскар французской колонией, установив прямую форму колониального управления – генерал-губернаторство (Черкасов, 1983). Дальнейшая цель колонизаторов заключалась в том, чтобы навязать побежденному народу язык победителя, а через язык – влияние цивилизации и культуры Франции (Карташова, 2007).

С этого времени и начинается интенсивное взаимодействие малагасийской и французской лингвокультур. В такой ситуации носитель французской лингвокультуры вынужден осваивать малагасийские лингвокультурные концепты и встраивать их в собственную концептуальную систему.

Особый интерес представляет вопрос о стратегии освоения малагасийских реалий средствами французского языка. Как известно, диалогичность культуры и ее знаковый характер являются взаимно дополняющими характеристиками, а словарь, в свою очередь, выступает в качестве метода и средства познания, описания культурного пространства нации. Словарь вмещает в себя номинации, отражающие реалии малагасийской лингвокультуры, не связанные с жизнью и бытом французского социума. В этой связи заслуживают внимания лексикографические опыты представления национально-культурных реалий Мадагаскара посредством французского языка.

Первый словарь малагасийского языка издан в Антананариву в 1835 году английскими миссионерами-протестантами. В 1853 на острове Реюньон миссионером-католиком Жозефом Веббером издан второй малагасийский словарь, пополненный множеством новых слов. В третьем словаре, изданном в 1885 году английским миссионером Джеймсом Ричардсоном, материал двух предыдущих изданий систематизирован, разъяснён, и пополнен новой

лексикой, а также снабжён научными названиями большого числа растений и животных.

Задолго до появления этого издания составлением большого словаря малагасийского языка занимался французский миссионер-иезуит Франсуа Калле, проделавший большую и тщательную работу, прерванную его смертью. Антуан Абиналь и Викториан Мальзак возобновили и завершили в 1888 году труд своего коллеги (Abinal, Malzac, 1955).

С тех пор словарь А. Абиналя и В. Мальзака не раз переиздавался. Его последнее переиздание датируется 1993 годом (г. Фианаранцуа), но его содержание практически не изменялось, разве что были удалены некоторые слова, вошедшие в издание 1888 года (Rajaonarimanana, 1995: 9).

В качестве материала для исследования нами взят двуязычный переводной словарь А. Абиналя и В. Мальзака 1955 года издания, являющийся на сегодняшний день наиболее полным двуязычным сводом малагасийской лексики. Примечательно, что данными словаря пользуются также русские лексикографы, к примеру, Л.А.Корнеев при составлении «Малагасийско-русского словаря».

Взяв за основу статью 451 слово, извлеченное А.А. Кретовым (Кретов, 2006) из «Малагасийско-русского словаря» (Корнеев, 1987) мы предприняли попытку отыскать соответствующие лексические единицы в «Малагасийско-французском словаре» (Abinal, Malzac, 1955).

Объектом исследования оказались номинации 416 малагасийских реалий, представленных, как во французском (Abinal, Malzac, 1955), так и в русском (Корнеев, 1987) словаре (35 слов, представленных в словаре (Корнеев, 1987), в словаре (Abinal, Malzac, 1955) обнаружить не удалось, что может свидетельствовать о динамике малагасийской лексики на протяжении почти века, разделяющего словари-источники). Вряд ли это исчерпывающий перечень малагасийских реалий, но 416 лексических единиц могут служить репрезентативной базой для изучения процессов освоения малагасийской действительности средствами французского языка.

Выделенный для анализа корпус номинаций однороден с грамматической точки зрения (существительные), но не однороден тематически: группы, представляющих природные (195 слов) и социальные (221 слово) явления делятся на подгруппы, представленные на круговых диаграммах (рис. 1, 2).

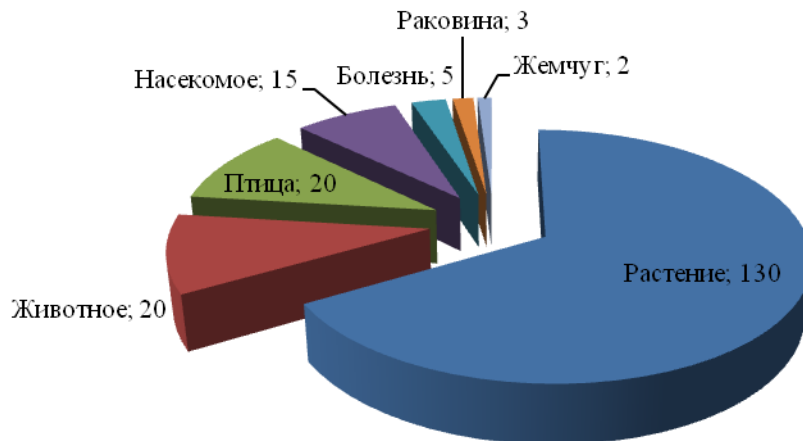

Рис. 1. Распределение по подгруппам реальных из группы природных явлений

Многочисленность подгруппы растений не удивительна – для Мадагаскара характерна высокая степень эндемичности растений и животных, редких или отсутствующих в других регионах: «богатая и разнообразная флора Мадагаскара насчитывает около 12 тыс. видов, из которых почти 80% - эндемики» (Карташова, 2007: 128).

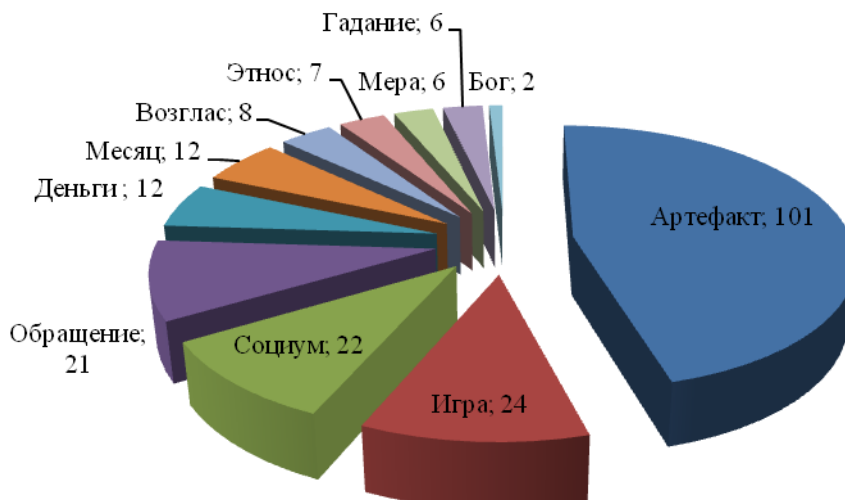

Рис. 2. Распределение по подгруппам реальных из группы социальных явлений

Человек создает вокруг себя «вторую природу». Не удивительно, что *артефакты* – предметы и явления человеческой деятельности, созданные человеком, являются самой многочисленной подгруппой.

Самое непосредственное отношение к вопросу языкового освоения «чужой» (в нашем случае – малагасийской) действительности имеет процесс реноминации, теоретическое описание которого «возможно с учетом постулата о сложной структуре значения языкового знака, в котором в зависимости от характера зафиксированных признаков выделяют

денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты» (Фененко, 2013: 23). Вместе с этим в процессе реноминации сигнификативный компонент значения играет определяющую роль, так как «суть реноминации в переводе состоит в назывании («отображении») «чужого» денотата, отраженного в сигнификате, средствами «своего» языка, в процессе которого может происходить некоторое преобразование (изменение) сигнификата» (Кретов, 2011: 154).

В. Г. Гак отмечает, что в естественных языках в процессе наименования устанавливается соотношение трех сторон: наименования (номинации), сигнификата и денотата, что отражается в известном «семантическом треугольнике», символизирующем смысловую структуру слова и других языковых элементов (Гак, 1972: 13).

В нашем исследовании мы опираемся на лингвистическую теорию реалий, разработанную Н.А. Фененко и А.А. Кретовым. В продолжение идеи семантической триады «предмет-понятие-слово» ими была введена система терминов для обозначения каждой из этих сторон реалий: R-реалии (от французского *réalité* – действительность) – для обозначения предметов реальной действительности (артефактов, натурфактов); С-реалии (от французского *concept* – понятие, концепт) – для обозначения культурных концептов и L-реалии (от французского *lexème* – слово) – для обозначения языковой номинации (Фененко, 2013: 5).

Рассмотрение особенностей процесса освоения французским языком малагасийской действительности начнем с освоения малагасийских R-реалий французским языком, в ходе которого возможно введение R-, С- или L-реалий.

Анализ эмпирического материала показал, что реноминация малагасийских R-реалий чаще всего осуществляется посредством «своей» С-реалии-экспликации. Например, малагасийская реалия *AMPÉTRIKA* в словаре А. Абиналя и В. Мальзака передается следующим образом: «*Petite marmite en fonte*» (небольшой чугунный котелок (здесь и далее перевод с французского наш. – И.Б.)) (Abinal, Malzac, 1955).

Своеобразие способов семантизации малагасийской лексики французским языком проявляется на русском фоне. Поэтому далее при рассмотрении каждой отдельно взятой малагасийской лексической единицы мы обращаемся и к материалу «Малагасийско-русского словаря», в котором находим: «*ампетрика* (небольшой чугунный котелок)» (Корнеев, 1987). Сопоставление показывает, что, в отличие от французского, в русском языке делакунизация происходит путем заимствования малагасийского слова с последующей его экспликацией. При этом реалия малагасийской действительности приобретает звуко-буквенную форму по транскрипционной традиции русского языка. Схематически процесс реноминации выглядит так: R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия.

R-реалия *VIBALÀHY* в словаре (Abinal, Malzac, 1955) отражена следующим образом: «*Plante médicinale*» (лекарственное растение). Эта же

малагасийская реалия, но в словаре (Корнеев, 1987): «*бибалахи* (вид лекарственного растения)». Способ реноминации следующий: R-реалия → «своя» C-реалия во французском языке и R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» C-реалия в русском языке.

При этом «своя» C-реалия-экспликация может быть в разной степени развернутой и, как следствие, может передавать разный объем культурно-специфичных сведений. Например, R-реалия *AMBORA* толкуется как: «Arbre dont le bois résiste au temps et à l'humidité; on en fait les cercueils des rois et des princes, la voûte et le plafond de leurs tombeaux. *Tambourissa parvifolia*» (дерево, древесина которого является долговечной и устойчивой к воздействию влаги; из нее изготавливают гробы для королей и принцев, свод и потолок их гробниц) (Abinal, Malzac, 1955).

В малагасийско-русском словаре рассматриваемая лексическая единица определяется как «*амбура* (дерево с прочной твердой древесиной, *Tambourissa parvifolia*)» (Корнеев, 1987). Налицо разница в количестве французских и русских слов, употребляемых при толковании данного слова в словарных статьях двуязычных словарей. Сравнивая семантические признаки предмета, которые входят в значение малагасийской реалии *AMBORA* во французском и русском языках, приходится констатировать их частичное несовпадение. Так, в словарной статье двуязычного словаря А. Абиналя и В. Мальзака при описании значения слова *AMBORA* обнаруживается описательная сема, отражающая *свойство* предмета – «Arbre dont le bois résiste au temps et à l'humidité» (дерево, древесина которого долговечна и устойчива к воздействию влаги). По сути дела, это развернутый вариант русской дефиниции, где акцент опять же делается на свойстве предмета – «дерево с прочной твердой древесиной». Разница лишь в том, что во французской словарной статье при раскрытии значения малагасизма отражается и другой его признак – *назначение*. Это энциклопедическая информация, традиционно отсутствующая в русских лингвистических словарях.

В первых двух случаях C-экспликация слабо развернута и представляет собой словосочетание типа «(прилагательное) существительное + предлог + существительное» или «существительное + прилагательное», в третьем примере представлена развернутая номинация.

К R-реалиям относится малагасийское слово *ZAHANA*, значение которого в словаре (Abinal, Malzac, 1955) передается следующим образом: «Arbre dont le bois dur sert à faire des manches. *Phyllarthron Bojerianum*» (дерево, прочная древесина которого используется для изготовления рукояток). Эта дефиниция формирует новое понятие во французской концептосфере, но оставляет L-лакуну. Таким образом, малагасийская R-реалия передается французской C-реалией. Русский словарь семантизирует рассматриваемую реалию путем введения L-реалии и через указание более широкого родового понятия, за которым следует латинский идентификатор: «*захана* (дерево *Phyllarthron Bojerianum*)» (Корнеев, 1987). Схематически

этот процесс можно представить так: R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» R-реалия.

Приведем еще несколько примеров, демонстрирующих, что введение развернутой C-реалии-эксplikации является во французском языке весьма распространенным способом освоения малагасийских R-реалий.

KAMÓSITRA - Le morceau de bois qu'on fait tourner dans un autre pour produire du feu, foret (кусок древесины, который ввинчивают в другой кусок древесины, чтобы развести огонь; бурав) (Abinal, Malzac, 1955). Толкование этого слова, содержащееся в «Малагасийско-русском словаре» Л.А. Корнеева, следующее: «*камуситра* (деревянная палочка, вращаемая при добывании огня)» (Корнеев, 1987). Оба словаря сообщают сходную информацию, с той разницей, что русская дефиниция является сжатым вариантом французской.

Lavasòmotra - Espèce de riz dont les grains ont une longue pointe (сорт риса с продолговатыми зёрнами) (Abinal, Malzac, 1955). Дефиниция «*лавасумотра* (сорт риса)», представленная в словаре (Корнеев, 1987), - предельно кратка, имея в качестве ключевого слова номинацию *рис*. Французский же вариант помимо ключевого слова указывает и на форму зёрен.

NÀNŸ - Espèce d'entonnoir adapté à l'entrée des paniers de pêche, des passes, afin que le poisson entré librement ne puisse pas en sortir (вид воронкообразного отверстия в рыболовных корзинах, вершах, не позволяющее рыбе, свободно заплыв туда, уйти) (Abinal, Malzac, 1955). Эта же R-реалия в малагасийско-русском словаре: «*нани* (устройство в форме воронки, не позволяющее рыбе уйти из верши и т.п.)» (Корнеев, 1987). Разница в освоении малагасийской реалии двумя языками состоит лишь в том, что русский язык помимо развернутой C-реалии-эксplikации вводит еще и «чужую» L-реалию, чего нет во французском толковании.

В подавляющем большинстве случаев при раскрытии смысла малагасийского слова-реалии в толковую часть французского словаря вводится слово-гипероним. Например, *Lefondàmbo* – «Herbe dont la graine est en forme d'hameçon. *Andropogon contortus*» (травянистое растение, семя которой имеет крючковидную форму) (Abinal, Malzac, 1955). Русский словарь дает следующее толкование: «*лефундамбу* (травянистое растение *Andropogon contortus*)» (Корнеев, 1987). Французская дефиниция вновь дает более широкое представление о малагасийском фитониме путем описания его внешних данных.

Реалия *KIVÓZO* определена: «Nom d'un arbuste. *Ficus claoxyloides*» (название кустарника) (Abinal, Malzac, 1955). В словаре (Корнеев, 1987) читаем: «*кивузу* (кустарник *Ficus claoxyloides*)» Во французском языке реноминация осуществляется по схеме: R-реалия → «своя» C-реалия и в русском – R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» C-реалия.

Таким образом, наиболее часто встречающимся приемом является реноминация малагасийских реалий посредством «своей»/французской C-реалии-эксplikации, предлагаемой авторами словаря в качестве

эквивалентной. Французский словарь дает, как правило, более развернутые экспликации особенностей «чужой»/малагасийской культуры в сравнении с русским, который, в свою очередь, при раскрытии значений малагасийских слов-реалий помимо «своей»/русской С-реалии-экспликации или «своей» С-реалии вводит и «чужую» L-реалию. Как показали последние три примера, порой в русском словаре осуществляется подбор эквивалентов «своей» культуры для реалий «чужой» культуры через гипероним – *кустарник, дерево*.

Освоение малагасийских R-реалий возможно также путем введения французских R-реалий. В этом случае во французской культуре подыскивается денотат, который можно соотнести с малагасийским денотатом. Например, R-реалия *ANDRARÉZINA* в словаре представлена следующим образом: «Arbuste. *Celtis madagascariensis*» (кустарник) (Abinal, Malzac, 1955).

В теории перевода подобный прием также известен под термином «адаптация», где подразумевается такой вид преобразования, «в результате которого происходит не только изменение в описании той или иной предметной ситуации, но и заменяется сама предметная ситуация» (Гарбовский, 2007: 403). В русском словаре эта же реалия представлена как «*андрарезина* (кустарник *Celtis madagascariensis*)» (Корнеев, 1987). Способы семантизации совпадают: введение «своей» R-реалии - *кустарник*, с той лишь разницей, что русский язык вводит «чужую» L-реалию, выступающую как яркий выразитель «чужой»/малагасийской культуры.

Введение R-реалий, продиктованное межъязыковой и межкультурной асимметрией, облегчает носителям французского языка понимание явления чужой для них действительности. Но вместе с этим своя R-реалия в значительной степени деформирует представления об иной культуре. Например, малагасийской R-реалии *TAMABONA* в правой части словаря соответствует: «*Fiote, flacon*» (колба, флакон) (Abinal, Malzac, 1955). Русский словарь закрепляет за этой лексической единицей два значения: «1) пузырек, флакон; 2) *тамабуха* (игра в домашнее хозяйство, в которой стекляшки изображают людей)» (Корнеев, 1987). Если семантизация первого значения этой реалии осуществляется по схеме R-реалия → «своя» R-реалия, то второе значение, где в русском языке реноминация происходит по схеме R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия, вовсе отсутствует во французском словаре.

Kelihomandra – *Herbe* (трава) (Abinal, Malzac, 1955). В словаре (Корнеев, 1987) дано: «*келихумандра* (травянистое растение; кровоостанавливающее средство)», процесс реноминации, который осуществляется путем использования чужой транслитерированной лексической единицы, т.е. L-реалии с последующей ее экспликацией с помощью своей С-реалии (своей R-реалией был бы, к примеру, *подорожник*). Французский же вариант свидетельствует о подмене «чужой» R-реалии «своей» R-реалией, в результате чего теряются этномаркированные компоненты значения.

Прием «чужая» R-реалия → «своя» R-реалия сопровождается смысловыми потерями: положительное свойство этого приема – облегчить получателю переводного текста понимание смыслов оригинального произведения – обедняет межкультурную коммуникацию, нивелирует межкультурные различия, создает ложное представление о том, что «везде все так же» (Гарбовский, 2007: 403). Н.А. Фененко справедливо отмечает, что в подобных случаях в результате введения «своей» R-реалии «национально-специфические единицы значения затушевываются, на первый план выступают ассоциации, связанные в сознании носителей языка с тем или иным предметом собственной культуры (Фененко, 2001: 92).

Таким образом, прием «чужая» (малагасийская) R-реалия → «своя» (французская) R-реалия приводит к искажению образов подлинника. Но несмотря на существенные различия малагасийской и французской лингвокультур имеются определенные участки пересечения их концептуальных систем, позволяющие передать малагасийскую картину мира при помощи французских R-реалий.

Так, посредством R-реалий, по большей части, передаются названия некоторых растений и животных. В тоже время R-реалии представлены с элементами экспликации, поскольку после французского наименования идет латинское название вида, являющееся отсылкой к ботанической классификации растений. Такую *экспликацию* можно назвать *потенциальной*, поскольку она предполагает обращение к определителю растений, редко имеющемуся под рукой у читателя и ещё реже используемый им для экспликации. Чаще всего эта экспликация так и остаётся *потенциальной*, т.е. не выполняющей своей уточняющей, конкретизирующей функции расширения концептосферы читателя перевода.

И наконец, самыми малочисленными являются случаи введения L-реалии. Неоспорим тот факт, что на протяжении французского господства на «Великом Красном острове» французский язык заимствовал слова для выражения понятий, свойственных малагасийскому языковому мышлению, из малагасийской языковой среды. В этом случае, отсутствие собственной лексической единицы, что, в свою очередь, объясняется отсутствием заимствованных реалий в собственной картине мира, компенсируется за счет малагасийской лексики. Рассмотрим примеры, почерпнутые из словаря:

AMBARIVÀTRY *Ambrevade. Cajanus indicus (тропический кустарник)* (Abinal, Malzac, 1955).

В переводных французско-русских словарях лексическая единица *Ambrevade* отсутствует. Получить какую-либо информацию о ней посредством CNRTL – Centre national de ressources textuelles et lexicales (Национальный центр текстовых и лексических ресурсов) также не представилось возможным.

Во французском энциклопедическом словаре LAROUSSE (Ларусс) слово *Ambrevade* присутствует: *ambrevade nom féminin (mot malgache signifiant pluie de pierres)*. Légumineuse cultivée des régions chaudes, fourragère, à la graine comestible, utilisée en sériciculture à Madagascar et donnant une laque

en réaction à la piquûre d'un puceron. (женский род (малагасийское слово, обозначающее *каменный дождь*). Кормовое растение семейства бобовых со съедобными семенами, выращиваемое в жарких регионах, используемое на Мадагаскаре в шелководстве и выделяющее при укусе тлей клейкое вещество) (Larousse, <http://www.larousse.fr>).

Казалось бы, определение, данное в словаре, является исчерпывающим, дающим полное представление о заимствованном слове-реалии. Однако помета «*mot malgache signifiant pluie de pierres*» (малагасийское слово, обозначающее *каменный дождь*) вызывает вопросы, побуждая к дальнейшему поиску информации. Как *каменный дождь* связан с *растением семейства бобовых*?

В словаре Фредерика Кювье находим ответ: «*AMREVADE. On nomme ainsi à l'Isle-de-France le pois d'Angole, espèce de cytise, cytisque sajan, L. Voyez AMBARVATE*» (На Маврикии таким образом называют Голубиный горох, разновидность ракитника, *cytisque sajan*, См. AMBARVATE) (Cuvier, 1820: 26).

Следуя указаниям словаря, ищем слово *AMBARVATE* и находим: «*AMBARVATE, AMBARVATSI, VOTREVATE, noms sous lesquels les habitants de Madagascar connaissent le cytisque sajan, et que les colons des îles de France ont changé en ambrevades. Dans la langue malgache, ce mot désigne aussi le mois de Juillet. Il doit paraître singulier de lui trouver deux significations aussi éloignées, mais en remontant au sens précis de ce mot, on en trouve la raison; car ces peuples, ainsi que beaucoup d'autres que nous regardons comme sauvages, ont beaucoup de justesse et de logique dans leur langue. Ce mot est composé des deux mots, *ambar*, exprime très-précisément la grêle, mot à mot pluie de pierre: comme dans la partie du Sud de Madagascar, au fort Dauphin, les habitants sont souvent témoins, dans la saison de l'hiver, en Juillet surtout, de ce phénomène, ils ont désigné ce mois par ce mot. D'un autre côté ils ont comparé les graines du sajan aux grains même de la grêle, ce qui est devenu son surnom, car son vrai nom est *ang soutri*. Ces graines font dans quelques cantons, surtout en temps de disette, une principale partie de la nourriture des habitants*» (Имена существительные, под которыми жителями Мадагаскара понимается *cytisque sajan*, название которого поселенцы французских островов изменили на *ambrevades*. На малагасийском языке это слово также обозначает месяц *июль*. Факт наличия двух абсолютно разных значений у этого слова должен показаться странным, но возвращаясь к точному смыслу слова, мы находим этому причину: в языке этих народов, как и многих других, которых мы почитаем дикарями, есть много справедливости и логики. Это слово состоит из двух слов - *ambar*, обозначающее *град*, дословно *каменный дождь*: поскольку в южной части Мадагаскара, в Форт-Дофине жители часто становятся зимой, и особенно летом свидетелями этого явления, они и обозначили этим словом *июль* месяц. С другой стороны, они сравнили семена *каяна* с теми же зернами града, что и стало его прозвищем, так как его настоящее название *ang soutri*. Эти семена в определенных кантонах, а особенно в период неурожая, являются основной пищей жителей) (там же, с. 20).

В малагасийско-русском словаре находим: «*амбариватри* (кустарник *Scajanus indicus*)» (Корнеев, 1987). В данном случае посредством малагасийской L-реалии (*амбариватри*) происходит заполнение L-лакуны, а посредством русской R-реалии (*кустарник*) – компенсация лакуны путем сближения чужого денотата со своим.

Рассмотрим еще один пример, когда реалия передана путем использования чужой лексической единицы, заимствованной вместе с понятийным концептом: *TRÀNDRAKA* Le Tendranc ou Tangué de Bourbon. *Centetes setosus* (*тенрек*) (Abinal, Malzac, 1955).

В данном случае речь идет о введении L-реалии или лексической единицы, представляющей собой транслитерированный малагасизм, где, прежде всего, можно наблюдать орфографическое освоение слова: передачу малагасийского слова средствами французской графики.

Во французском энциклопедическом словаре LAROUSSE (Ларусс) вычитываем: *tenrec* ou *tanrec* nom masculin (malgache *tandraka*) Mammifère insectivore de Madagascar et des Comores, couvert de piquants, nocturne, prédateur, hibernant dans un terrier pendant la saison sèche (Насекомоядное млекопитающее Мадагаскара и Коморских островов, покрытое иглами, ведущее ночной образ жизни; хищник, зимующий в норе во время сухого сезона) (Larousse, <http://www.larousse.fr>). Различие в написании слов, обозначающих малагасийские реалии, свидетельствует о том, что слово находится в начале процесса адаптации.

Сравнение способов семантизации реалии в двух словарях вскрывает любопытное расхождение: «*трандрака* (растение *Centetes setosus*)» (Корнеев, 1987).

Схематически процесс реноминации во французском языке выглядит так: R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» C-реалия, в русском языке - R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» R-реалия + латинское наименование в международной классификации. При этом во французском языке упоминается млекопитающее Мадагаскара, а в русском языке – растение (видимо, в дефиницию словаря (Корнеев, 1987) вкралась ошибка: растения *Centetes setosus* не существует, имеются «*Centetes ecaudatus* — танрек» и «*Ericulus setosus* — напоминает ежа, но с коротким хвостом, густо покрытым иглами» (Брокгауз, Евфрон, <http://geonetia.ru>). Во французских словарях подтверждений тому, что *TRÀNDRAKA* может означать *растение*, не нашлось. Английский словарь (Richardson, 1885) также указывает лишь на *млекопитающее*: «The name of two or three species of small insectivorous hibernating animals belonging to a family (*Centetidae*) almost confined to Madagascar. They resemble hedgehogs, being clothed with fine spines or bristles. They are usually called 'tenrec' or 'tendrac' by Europeans. *Centetes ecaudatus*, and *C. semispinosus*». (Название двух-трех видов небольших спящих зимой насекомоядных животных, принадлежащих к семейству (*Centetidae*) и проживающих на Мадагаскаре. Иглами и щетиной напоминают ежей. В Европе их обычно называют *тенрек* или *tendrac*) (Richardson, 1885)).

Теперь рассмотрим процесс освоения малагасийских С-реалий французским языком. И здесь необходимо оговорить, что под С-реалиями или концептами мы понимаем некую максимально абстрагированную идею «культурного предмета», не имеющую визуального прототипического образа, хотя и не исключая возможные визуально-образные ассоциации, связанные с этим «культурным предметом» (Красных, 2003: 272). Проще говоря, к R-реалиям мы относим все осязаемое, а к С-реалиям – всё остальное.

Анализ эмпирического материала показал, что чаще всего малагасийские С-реалии, также как и малагасийские R-реалии, осваиваются французским языком путем введения С-реалий-экспликации, например:

ANDRORÔSY Nom d'une caste de mendiants condamnés à demander l'aumône par la malediction du chef de la famille dont ils descendent (Название касты попрошайек, обреченных просить милостыню из-за того, что глава их семейства был проклят) (Abinal, Malzac, 1955).

Русский язык также осваивает малагасийские С-реалии путем введения С-реалий-экспликации, являющихся не столь развернутыми в сравнении с французским языком, которым предшествует введение «чужой» L-реалии. Сравним: «*андруруси* (каста нищих)» (Корнеев, 1987).

AMBO Nom d'une maladie subite semblable à l'épilepsie (Название внезапной болезни похожей на эпилепсию) (Abinal, Malzac, 1955). Русский словарь указывает: «болезнь, напоминающая эпилепсию» (Корнеев, 1987).

Andriamanidàhy Nom qui, dans le paganisme, désignait certaines divinités ou vertus inférieures (Название, которое в язычестве обозначает некоторые божества или низшие добродетели) (Abinal, Malzac, 1955). Словарь (Корнеев, 1987) фиксирует следующее: «*андриаманидахи* (божество низшего порядка в сравнении с *андриаманитра*)».

Зачастую в толковании малагасийского слова-реалии используется малагасизм, что видно в последнем примере из малагасийско-русского словаря. Аналогичный процесс иногда можно наблюдать и при семантизации малагасийских реалий французским языком. Например:

VÈLA Manière de jouer au **Fanorona** (способ игры в *фануруну*) (Abinal, Malzac, 1955).

AKÀBO Terme de **Sikidy** (термин гадания *сикиду*) (Abinal, Malzac, 1955).

KILANJALÁNJA Jeu dans lequel les enfants s'amuse à se porter les uns les autres en **filanjana** (Игра, в которой дети веселятся, нося друг друга в *филанджане*) (Abinal, Malzac, 1955).

При этом, как свидетельствуют толкование слов **Fanorona**, **Sikidy**, **filanjana**, заимствования лексемы не происходит: *FANORONA* Grand jeu de marelle (игра в классики) (Abinal, Malzac, 1955). *SIKIDY* L'art de la divination; ce qu'on emploie pour deviner, comme des haricots, des grains de sable, et le plus ordinairement des graines du Fano, qu'on remue, qu'on combine, qu'on aligne en plusieurs rangées; conclusion que tire au hasard le sorcier de ces diverses combinaisons, oracle qu'il en déduit; animal qu'il ordonne d'élever, amulette qu'il fait porter, remède qu'il ordonne pour guérir ou se préserver d'une maladie,

pour éloigner tous les sorts (искусство гадания; то, что используется для гадания: зерна фасоли, песчинки, чаще всего - зерна *фану*, которые переставляют, смешивают, располагают в несколько рядов; заключение, к которому приходит колдун после своих приемов, истина, которую он выводит из этих манипуляций; животное, которое он велит вырастить, амулет, который он говорит носить, лекарство, которое он прописывает для выздоровления или предупреждения болезни, чтобы избавиться от всевозможных порч) (Abinal, Malzac, 1955). *FILANJANA* Siège portatif comme le palanquin (переносное кресло, паланкин) (Abinal, Malzac, 1955).

Реноминация осуществляется по принципу «чужая» С-реалия → «чужая/своя» С-реалия.

В процессе реноминации малагасийских реалий так называемые простые типы реноминации («чужая» R-реалия → «своя» R-реалия, «чужая» R-реалия → «своя» С-реалия, «чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия, «чужая» С-реалия → «своя» С-реалия) очень редки. Типичными являются комплексные типы реноминации, обеспечивающие заполнение и компенсацию лакун. Ярким тому доказательством служит процесс реноминации следующей малагасийской реалии:

LONGÒZA Plante; **Longouze** dont les feuilles sont employées souvent en guise de cuillère. *Atomum Daniellii* (Растение; *Лунгуза*, чьи листья часто используются в качестве ложки) (Abinal, Malzac, 1955).

В приведенном примере малагасийская реалия передается французской С-реалией, при этом вводится родовое понятие растение – R-реалия, и в толковании этого слова используется малагасийское слово – L-реалия.

Таким образом, заполнение L-лакуны осуществляется посредством малагасийской L-реалии, французской R-реалии – компенсация лакуны путем функционального сближения чужого денотата со своим. И вместе с этим авторы словаря эксплицируют культурно-специфическую информацию посредством своей С-реалии. В итоге получаем: «чужая» R-реалия → «своя» R-реалия + «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия.

Русский язык в данном случае – *лунгуза* (растение *Atomum Daniellii*)» (Корнеев, 1987) – заполняет L-лакуну путем введения малагасийской L-реалии и русской R-реалии.

Рассмотрим еще пример.

Ravinàla L'arbre du voyageur, connu sous le nom de **Ravenale**. *Urania speciosa* (Дерево путешественников, которое также известно под названием *Равенала*) (Abinal, Malzac, 1955).

В процессе реноминации значение малагасийской R-реалии декодировано путем введения «своей» С-реалии, а также «чужой» L-реалии, полученной при помощи транслитерации.

Уникальная реалия мадагаскарской флоры – *равенала* является национальным символом, эмблемой острова. Что же снискало ему название «дерево путешественников»?

Как отмечает Шарль Годишо, «...chacun sait qu'il suffit de percer la base dilatée des feuilles de cet arbre, pour en voir couler aussitôt une abondante quantité

d'eau fraîche et suave comme celle d'une source vive; ce qui a fait donner à ce curieux végétal, par les premiers navigateurs qui ont visité Madagascar, le nom qu'il porte, et sous lequel il est généralement connu, celui **d'arbre du voyageur**» (Каждый знает, что достаточно пронзить пазуху черешков листьев этого дерева, как оттуда сразу же польется большое количество свежей воды с нежным вкусом как из живого источника; первые мореплаватели, посетившие Мадагаскар, поэтому и дали этому удивительному растению имя, которое оно носит и под которым оно более известно, – *дерево путешественников*) (Gaudichaud, 1845: 1).

Декодирование значения этой же малагасийской реалии русским языком осуществляется аналогичным способом: путем введения «своей» С-реалии, а также «чужой» L-реалии – «*равинала*, “дерево путешественников” (*Urania speciosa*)» (Корнеев, 1987).

Другим примером комплексного типа реноминации является раскрытие смысла малагасийской С-реалии *Ambelisangòdina*. Словарь дает следующую дефиницию: «*Nom d'une manière de jouer à la savate*» (название способа игры в *сават*) (Abinal, Malzac, 1955).

Французский энциклопедический словарь LAROUSSE (Ларус) определяет: «**la savate** Sport de combat pratiqué au XIXes., ancêtre de la boxe française» (*сават* – спортивное единоборство, практиковавшееся в XIX веке, прародитель французского бокса) (Larousse, <http://www.larousse.fr>).

Национальный центр текстовых и лексических ресурсов также подтверждает вышеизложенное: «*Lutte à coups de pied en vogue surtout au XVIIIes. et au début du XIXes.*» (борьба, заключающаяся в нанесении ударов ногами, особенно популярна была в XVIII и XIX веках) (CNRTL, <http://www.cnrtl.fr/definition>).

В случае с реалией *Ambelisangòdina* для снятия национально-специфического и для облегчения понимания фрагмента чужой/малагасийской в дефиницию вводится элемент культуры реципиента (*la savate*). Схематически это выглядит следующим образом: «чужая» С-реалия → «своя» С-реалия + «своя» R-реалия.

Малагасийско-русский словарь, в отличие от малагасийско-французского, вместо «своей» R-реалии вводит «чужую» L-реалию: «*амбелисангудина* (игра, заключающаяся в нанесении ударов ногами друг другу)» (Корнеев, 1987). Схематически – «чужая» С-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия.

Аналогичный пример с малагасийской реалией *VÀTA*. Словарь эксплицирует: «*Mesure pour les grains, spécialement pour le riz; c'est le fahenina* (double-décalitre)» (Мера зерна, чаще всего риса; это *фахенина* (два декалитра) (Abinal, Malzac, 1955).

В анализируемом примере авторы словаря поясняют значение малагасийской реалии посредством «своей» С₁-реалии, вместе с этим в толковании используется малагасизм *fahenina*, для разъяснения которого в правой части словаря вводится «своя» С₂-реалия *double-décalitre*. В

результате мы получаем: «чужая» С-реалия → «своя» С₁-реалия + «чужая» L-реалия + «своя» С₂-реалия.

В русском словаре находим: «вата (мера зерна, чаше риса = ≈20 литрам)» (Корнеев, 1987). Русский лексикограф вводит «чужую» L-реалию с последующей ее экспликацией через «свою» С-реалию.

Проведённое исследование свидетельствует, что в процессе освоения фрагментов ценностного опыта малагасийской лингвокультурной общности при восприятии его представителями французской и русской культур составители словарей стремятся к устранению всевозможных лакун. Они стараются найти соответствие во французской и русской лингвокультурах, отождествляя похожее, но не тождественное. При этом, как правило, облегчение понимания французским/русским реципиентом, покупается ценой частичной, а то и полной утраты ощущения национальной специфики малагасийской культуры. Используется путь развернутого или краткого описания, преимущественно через указание на гипероним. Результаты анализа представлены в табл. 1 и на рис. 3.

Таблица 1. Реноминация реалий в малагасийско-французском и малагасийско-русском словарях

Тип реалий	Тип реноминации	Условное обозначение	примеров во ФМС	примеро в РМС
R-реалии	«чужая» R-реалия → «своя» R-реалия	Ч-R→C-R	35	--
	«чужая» R-реалия → «своя» С-реалия	Ч-R→C-C	215	---
	«чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия	Ч-R→Ч-L	4	--
	«чужая» R-реалия → «своя» R-реалия + «своя» С-реалия	Ч-R→C-R+C-C	8	--
	«чужая» R-реалия → «своя» R-реалия + «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия	Ч-R→C-R+Ч-L+C-C	1	4
	«чужая» R-реалия → «своя» С-реалия + L-реалия (малагасизм в С-реалии)	Ч-R→C-C(+Ч-L)	15	--
	«чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия	Ч-R→Ч-L+C-C	2	216
	«чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» R-реалия	Ч-R→Ч-L+C-R	---	57
	«чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия + L-реалия (малагасизм в С-реалии)	Ч-R→Ч-L+C-C(+Ч-L)	---	14
С-реалии	«чужая» С-реалия → «своя» R-реалия	Ч-C→C-R	2	---
	«чужая» С-реалия → «своя» С-реалия	Ч-C→C-C	108	---
	«чужая» С-реалия → «своя» R-реалия + «своя» С-реалия + L-реалия (малагасизм в С-реалии)	Ч-C→C-R+C-C(+Ч-L)	1	---
	«чужая» С-реалия → «своя» С-реалия + L-реалия (малагасизм в С-реалии)	Ч-C→C-C(+Ч-L)	17	---
	«чужая» С-реалия → «своя» С-реалия + «своя» R-реалия	Ч-C→C-C+C-R	8	---
	«чужая» С-реалия → «чужая» L-реалия +	Ч-C→Ч-	---	96

	«своя» С-реалия	L+C-C		
	«чужая» С-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия + L-реалия (малагасизм в С-реалии)	Ч-С→Ч- L+C-C(+Ч- L)	---	14
	«чужая» С-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» R-реалия	Ч-С→Ч- L+C-R	---	1
	«чужая» С-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» С-реалия + «своя» R-реалия	Ч-С→Ч- L+C-C+C-R	---	14
ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ПРИМЕРОВ			416	416

Рис.3. Разность случаев реноминации различных типов во франко-малагасийском и русско-малагасийском словарях (в порядке убывания).

На диаграмме видно, что французская (положительная часть шкалы) и русская (отрицательная часть шкалы) специфика концентрируются в трёх крайних (3-х положительных и 3-х отрицательных) типах реноминации:

Специфика	
Французская	Русская
Ч-R→C-C	Ч-R→Ч-L+C-C
Ч-C→C-C	Ч-R→Ч-L+C-C
Ч-R→C-R	Ч-R→Ч-L+C-R

Они зеркально симметричны и практически повторяют друг друга за одним исключением: русский во всех трёх случаях, ещё и принимает чужую L-реалию. Для русского словаря это норма. Для французского – аномалия.

Во французской лексикографии модели реноминации, включающие «свою» С-реалию, являются самыми частотными. Как правило, для толкования малагасийской реалии требуется несколько французских слов, что является доказательством отсутствия аналогичного концепта во французском языке. При этом, чем больше французских слов используется при толковании значения малагасийской реалии, тем выше национальная

специфика концепта, стоящего за малагасийским словом-реалией. Ср. (Титов 2002: 69-97).

Особенностью процесса освоения французским языком малагасийской действительности на русском фоне является то, что во французской лексикографии введение «чужой» L-реалии является скорее исключением, нежели правилом. Из 416 случаев введение L-реалии было зарегистрировано в 40 (речь идет о простом типе реноминации (4), а также о сложном, когда наряду с L-реалией вводятся и/или R-реалии и/или C-реалии (36)). Русскому же языку присуще широкое употребление транслитерации иноязычных слов, называющих реалии. Во всех случаях, а их 416, отмечается введение «чужой» L-реалии с последующей экспликацией, т.е. введением C-реалии.

Анализ эмпирического материала показал, что французские лексикографы не прочь удлинить текст, прибегнуть к громоздким и развернутым экспликациям, лишь бы избежать заимствования «чужой» лексики. Объем семантических признаков, которые используются в лексикографическом описании малагасийских реалий в русском и французском языках также различен. В дефинировании слов-реалий французский язык дает гораздо больше энциклопедической информации, раскрывая, например, функции/предназначение предметов, ассоциации малагасийского народа с тем или иным явлением и т.д. Эта стратегия свидетельствует о недифференцированности лингвистической и энциклопедической информации во французской лексикографии.

Французское стремление представить «чужое» как «свое» говорит о национально-культурной самодостаточности и герметичности. Французскому менталитету присущ некий эгоцентризм, подразумевающий, превосходство «своей» культуры (единственно правильной и наилучшей) над «чужой». Это качество имеет глубокие исторические корни и ярко проявилось в склонности к «офранцузиванию» других народов, принимавшей в период колониализма и насильственные формы. Ж. Багана отмечает, что «языковая политика французских колонизаторов с самого начала отличалась от политики британской и бельгийской администраций. В бельгийских и британских владениях не запрещалось использование местных языков на низших административных уровнях и в начальной школе, а во французских <...> колониях местные языки были вытеснены отовсюду, кроме религии» (Багана, 2014: 9).

Русский же язык не стремится вытеснить чужую культуру, а напротив – готов сохранить и принять «чужое», тем самым расширив и обогатив «свое», что свидетельствует о «всемирной отзывчивости русского человека и русской культуры», осознанной и выраженной ещё Ф.М. Достоевским.

Литература

1. Багана Ж. Словарь современной фразеологии французского языка Африки. - М.: ФЛИНТА, 2014. – 436 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
4. Гак В.Г. К проблеме соотношения языка и действительности // Вопросы языкознания. – М.: Наука. - №5, 1972.– С.12 - 23.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
6. Карташова Л.А. В таинственной стране Мадагаскар. – М.: КДУ, 2007. – 204 с.
7. Керов В.Л. Французская колонизация островов Индийского океана (XVII-XVIII вв.). – М.: Наука, 1990. – 150 с.
8. Корнеев Л.А. Малагасийско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1987. – 592 с.
9. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? - М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
10. Кретов А.А. Малагасизмы в русском языке // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». - №2, 2006. – С. 80 - 91.
11. Кретов А.А. Реноминация как проблема переводоведения / А.А. Кретов, Н.А. Фененко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». - №2, 2011. – С.154 - 157.
12. Лаптева М.Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: монография. - М.: КНОРУС; Астрахань: АГУ, ИД «Астраханский университет», 2016. – 212 с.
13. Павлинов И.Я. Систематика современных млекопитающих (2изд.) – М.: изд-во МГУ, 2006. – 297с.
14. Титов В.Т. Общая количественная лексикология романских языков. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. - 240 с.
15. Фененко Н.А. Компенсация как категория переводоведения / Н.А. Фененко, А.А. Кретов // Вестник ВГУ. Серия: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». - №2, 2001. – С. 89 - 94.
16. Фененко Н.А. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации: монография. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013. – 220 с.
17. Черкасов П.П. Судьба империи. (Очерк колониальной экспансии Франции в XVI - XX в.). - М.: Наука, 1983. – 183 с.
18. Энциклопедический словарь Брокгауза и Евфрона > Танрековые [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geonetia.ru> Дата обращения: 10.10.2016.
19. Abinal A., Malzac V. Dictionnaire malgache-français: Mission catholique de Tananarive, Madagascar. – Ed. Maritimes et d'Ourte-Mer, 1955. – 876 p.
20. Centre National de ressources textuelles et lexicales (CNRTL) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr/definition> Дата обращения 10.04.2016.

21. Cuvier F. Dictionnaire des sciences naturelles, Strasbourg-Paris, t. 18, 1820. - P. 359 - 422.
22. Dictionnaire de français Larousse [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.larousse.fr> Дата обращения 10.04.2016.
23. Gaudichaud C. Recherches anatomiques sur la tige du Ravenala, de la classe des Monocotylés. - Paris: Bachelier, 1845. – 442 p.
24. Rajaonarimanana N. Dictionnaire du malgache contemporain: malgache-français / français-malgache. – Paris: Ed. Karthala, 1995. – 403 p.
25. Richardson J. A New Malagasy-English dictionary, Antananarivo: the London Missionary Society, 1885. – 833 p.
26. Schreber J.C.D. Die Säugthiere in Abbildungen nach der Natur, mit Beschreibungen. - Erlangen: Expedition des Schreber'schen säugthier- und des Esper'schen Schmetterlingswerkes. - T. 5, 1855. – 805 s.

(1,2 п.л.)